

*А. Н. Цепенникова
A. Tsepennikova
г. Екатеринбург, УрГПУ
Ekaterinburg, USPU*

**ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРИПЕТИЙ ЭМИГРАНТСКОЙ СУДЬБЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АННЫ СОХРИНОЙ
(ПО ПОВЕСТИ «МОЯ ЭМИГРАЦИЯ»)
UNDERSTANDING THE VICISSITUDES OF EMIGRANT FATE
IN THE WORKS OF ANNA SOBRINOS
(BASED ON THE NOVEL «MY EMIGRATION»)**

Аннотация: В статье анализируются нюансы восприятия эмиграции «русскими евреями», людьми, прожившими большую часть жизни в России и по разным причинам эмигрировавшими в начале XXI столетия в Германию, Израиль. Анализ проводится на материале повести писательницы «Моя эмиграция».

Ключевые слова: литература эмиграции; судьба; язык; идентичность.

Abstract: the article analyzes the perception of emigration of man-mi, who has lived most of my life in Russia and, for different reasons, AMIG-renovawky in the beginning of XXI century in Germany, Israel. The analysis is carried out on the material of the novels of the writer «My emigration».

Keywords: literature emigration; fate; language and identity.

Повесть «Моя эмиграция» Анны Сохриной написана в 1996 году и является автобиографической. На ее страницах мы встречаемся с особенным осмыслением героиней своего изменившегося положения, характерным преломлением личного опыта писательницы-эмигрантки.

Опыт эмиграции оказался для А. Сохриной, как и для многих ее соотечественников, покинувших Россию в самом конце XX века и в «нулевые», весьма чувствительным и болезненным. Об этом свидетельствует эмоциональная тональность текста в описании эмигрантского существования, трудного быта, переживания героини по поводу оторванности от старой среды и невозможности интегрироваться в новое культурное пространство. Этим обусловлен тяжелый эмоциональный разлад в душах героев-эмигрантов, страх перед неизвестным будущим: «Тяжело бремя эмиграции, объективно труден и трагичен этот процесс, кровоточат отрезанные нити сосудов, связывавшие тебя с давними друзьями, коллегами по работе, любимым городом. А обрстет ли пересаженное деревце новыми корнями, способными полноценно питать его, или зачахнут, начнут вянуть на глазах некогда могучие, высокие ветви. Кто знает?» [1, с. 148].

С первых же мгновений пребывания на чужой земле герои рассказов Сохриной, наши эмигрировавшие соотечественники, оказываются перед лицом

новой реальности, им приходится жить, где придется: «Первые месяцы мы жили на еврейском кладбище. На краю большого тенистого парка стояли три двухэтажных домика. В первом отпевали покойников, во втором хранили гробы, метлы, тряпки и прочий кладбищенский инвентарь, ну а в третьем жили мы» [1, с. 138]. Такие условия быта усугубляют психологическую травму от смены привычной жизни.

Еще одной и наиболее важной проблемой становится полное незнание приехавшими языка: «И как в таком случае можно было ехать в Германию, говоря и понимая только по-русски? Однако, приехали...» [1, с. 150]. А когда человек глух и нем в новой среде, он автоматически становится бесправным: «О, если бы я могла свободно говорить с ним на одном языке, как это было с моими недоброжелателями в России! Как быстро можно бы все поставить на свои места! Здесь же я была ужасающе, непривычно косноязычна, а то и просто нема (словарного запаса не хватало), а, значит, и бесправна» [1, с. 157]. Однако молодое поколение достаточно быстро постигает азы иностранного, чего не скажешь о старших – для них языковой барьер становится непреодолимым: «Часть эмиграции, особенно пожилые люди, так и живут „без языка“. Я их не виню. Изучение немецкого – большой труд, огромное напряжение, и многим оно просто не под силу» [1, с. 151]. Сохрина об этом повествует с грустной усмешкой: «– Ах, сказала как-то Ирка, с тоской глядя на лежащий перед ней учебник. – Когда меня заставляют учить немецкий, у меня полное ощущение, что меня спаривают с мужчиной, которого я не хочу» [1, с. 163].

У Сохриной эмигранты переживают также внутреннюю ломку, вызванную понижением социального статуса. В своей стране эти люди были представителями высокоинтеллектуальных профессий, которым теперь, волею судеб, приходится заниматься менее квалифицированным трудом. Повествовательница сокрушается по поводу утраты родиной прекрасных специалистов: «В наших домах есть свои парикмахеры, мастера по ремонту стиральных машин и телевизоров, свои специалисты-компьютерщики, учителя музыки, поэты, художники и, конечно, врачи. И не простые, а доктора всевозможных наук, попасть к которым на прием в Москве, Петербурге, Риге и прочих столицах союзных республик нашей бывшей родины считалось большой удачей» [1, с. 164]. Остается только печально констатировать: «Кто они сейчас здесь? Фактически нищие (по здешним критериям) старики, презираемые коренными немцами „социальщики“. А теперь представим, что их знания, квалификация, их жизнь, наконец, были потрачены не в республиках бывшего Союза, а хотя бы на этой цивилизованно-капиталистической почве? И что они имели бы – шикарные дома, автомобили, крупные суммы в банках. И людскую благодарность, конечно» [1, с. 165].

Писательница прямо указывает на то, что оказавшись в чужой стране, без знания немецкого языка, «из образованного интеллигентного человека, как-вым считали тебя все окружающие и ты сам, всеми уважаемого специалиста, говорящего на правильном литературном языке, ты превращаешься в нечто нечленораздельно мычащее и бестолково жестикулирующее. Этакое первобытное существо, которое на языке жестов все-таки пытается то-то объяснить» [1,

с. 149]. Сохрина повествует об этом с иронией: «– Ну и как у вас с языком? – участливо спрашивает работница семью молодых переселенцев. – Прекрасно, – отвечает высокий красивый парень. – С нашим языком только марки к конвертам приклеивать».

В целом для героев Сохриной расставание с родиной очень травматично, ведь их переезд носил вынужденный характер. Однако реалии российские другого выбора им не оставляли: «Зачем вы сюда приехали? – этот вопрос, заданный в разных ситуациях совсем непохожими друг на друга людьми, иногда с любопытственно-вежливой, доброжелательной, редко с агрессивно-уничтожительной интонацией не оставляет меня в покое, по-прежнему ранит сердце. Я не умею отвечать на него просто» <...> «– Затем, что если бы „там“ в то время можно было нормально жить, работать и растить детей, мы бы все-таки не уехали...» [1, с. 159]. Усугубляется тяжелое психологическое состояние еще и из-за того, что люди понимают, что своей стране они не нужны, а новой – тем более... Это порождает чувство отчужденности, столь знакомое и эмигрантам «первой» волны. Интересно, что и общая тональность, ироничность повествования, тематика и круг проблем – весьма схожи у А. Сохриной с творческой манерой изображения эмигрантской действительности Н. Тэффи в рассказах, вошедших в книгу «Городок». Точно так же героев Сохриной мучает ностальгия: «Первые полгода тосковала ужасно, уносила в снах каждую ночь в родной Питер, бродила там по набережным, просыпалась в слезах» [1, с. 182], «...А ночью мне опять снился Ленинград. И я, Оля Коган и Лена Равикович бежим, белозубо хохоча по Университетской набережной. И налетевший с Невы ветер бесстыже задирает бальные платья выпускниц. Белая ночь парит над городом» [1, с. 168], «И я в своих еженощных скитаниях по Петербургу...» – напишет мне из Калифорнии Оля» [1, с. 168], «Первые месяцы эмиграции Рита находилась в депрессии. Сказывалось напряжение последних лет, обрушившееся одиночество. Отъезду предшествовал тяжелый разрыв с мужем, взрослый сын жил с семьей в Израиле. А тут еще полный набор наших эмигрантских радостей...» [1, с. 166].

При всем обилии переживаний, связанных с переездом в другую страну, интересно то, что они не стремятся вернуться обратно в свою... С одной стороны, причиной часто служит то обстоятельство, что возвращаться им особо и некуда: «Словом, 23 года семейной жизни пролетели коту под хвост со свистом, словно и не было семьи, дома, а так, театральная декорация», «Искрошилась, рассыпалась, истаяла жизнь бледной тенью на стене – словно и не было ничего», «Во время перестройки институт благополучно развалился, как и многие другие, они с мужем остались без работы» [1, с. 173], с другой стороны, такое восприятие эмиграции нашими соотечественниками объясняется и их специфическим менталитетом: они в силу советской установки «быть как все, не высываться» не привыкли проявлять инициативу, активно входить в инокультурную жизнь. Именно поэтому нашим соотечественникам так трудно адаптироваться к жизни вне России.

Таким образом, если у Н. Тэффи в бытии эмигрантов не предвидится никаких перемен и надежды на то, что жизнь каким-то образом наладится, практи-

чески нет, и даже надежды на возвращение в Россию окончательно рухнули, то у А. Сохриной эмигранты добровольно делают выбор в пользу чужой страны, и среди мрачных тонов постепенно промелькивают более оптимистичные краски: «Потом привыкла, оценила комфорт и удобство западного быта, съездила на недельку в Париж, на три дня в Люксембург. Появились новые знакомые, такие же эмигранты, как она сама. И выяснилось, что жить, пожалуй, можно, и что количество забот и радостей везде примерно одинаково» [1, с. 182]. «Жизнь медленно, но устраивалась, Кира получила отдельную социальную квартиру. Оленька училась в университете и завела себе бой-френда студента, черноглазого парня из Марокко, араба». Жизнь постепенно входит в свое русло, и люди, приспособившись, все же обретают дом.

Библиографический список

1. Сохрина, А. Дамские штучки / Анна Сохрина. – СПб. : Алетейя, 2008. – 200 с. : ил. – (Серия: «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).